

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА ~ АННА ОУЭН

КОРАБЛИ С ВОСТОКА

The logo features two stylized, black, wavy lines that resemble waves or flowing smoke. The top line starts on the left, rises to a peak, and then descends. The bottom line starts on the left, dips to a trough, and then rises. The text is positioned between these two lines.

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

Наталья Резанова (Нижний Новгород, Россия) — прозаик, эссеист. Опубликовала 16 книг в жанрах исторической фэнтези и альтернативной истории. Лауреат литературных премий в области НФ.

Анна Н. Оуэн (Сидней, Австралия) — историк литературы, поэт, доктор философии. Автор поэтических сборников и литературоведческих работ. Известна также как сетевой автор.

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА ~ АННА ОУЭН

КОРАБЛИ С ВОСТОКА

ГОРОДЕЦ
ФЛЮИД

Москва, 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Р34

Составитель серии Иар Эльтеррус
Художественное оформление серии И. Викторов
Обложка И. Викторов, В. Ненов

Резанова Н., Оуэн А.

Р34 Корабли с Востока. — М.: ИД «Городец-Флюид», 2020. — 528 с. — («Mystic&Fiction» — «Ветер мечты»).

Порой из-за нескольких, не слишком важных с точки зрения окружающего мира событий все может измениться. В конце XVI столетия в далекой Японии произошло кое-что, не происходившее в известном нам прошлом, и история двинулась совсем другим путем. В итоге к середине XIX столетия просторы морей бороздили броненосцы, вычислительные машины стали отнюдь не диковинкой, было изобретено радио, начали развиваться авиация и кинематограф. Однако у человечества как кость в горле стояло не признающее технического прогресса Содружество Галаад, государство полубезумных религиозных фанатиков, занимающее большую часть Северо-Американского континента. И однажды терпение ведущих стран мира лопнуло — к берегам Галаада направились с востока японские и русские корабли под командованием капитана Эномото и вице-адмирала Попова...

ISBN 978-5-906827-21-0

© Наталья Резанова, Анна Оуэн, 2020
© ИД «Городец-Флюид», 2020

Часть первая
ОТКРЫТАЯ СТРАНА

Все персонажи являются реальными историческими лицами, однако описанные здесь события в известной нам истории происходили не совсем так. Или совсем не так. Или не происходили вовсе

Литературный талант надобно
подкреплять военным искусством.

Цао Цао, Вэйский У-ди

В мир приходи только гостем,
И все в нем будет по нраву.

Датэ Масамунэ

Персонажи

Клан Тоётоми:

Тоётоми Хидэёси (Обезьяна) — великий регент Японии, тайко

Хидэёри — его сын и наследник

Хидэцугу, его племянник — регент Японии, кампаку

О-Нэ (Кита-но-Мандокоро, Кодай-ин) — жена Хидэёси

О-Тятя (Ёдогими, Дайко-ин) — наложница Хидэёси, мать наследника

Исида Мицунари (Лис с горы Сува) — старший советник

Дама Кодзосю — секретарь О-Нэ и советница Хидэёси

Ямаока Сима — вассал Хидэёси

Клан Токугава:

Токугава Иэясу (Старый Тануки) — князь, глава регентского совета, командующий войсками Восточной коалиции

Хидэтада — его старший сын, впоследствии сёгун

Тадатэру — младший сын Иэясу

Го-химэ (О-Эйо) — жена Хидэтады, сестра Ёдо

Токо-химэ, княгиня Икеда — дочь Иэясу
Хонда Масанобу — советник
Масадзуми — его сын
Хонда Тадакацу — полководец
Миура Андзин (Вильям Адамс) — адмирал

Клан Датэ:

Датэ Масамунэ (Одноглазый Дракон) — князь
Мэго-химэ — его жена
Датэ Масамити — младший брат Масамунэ
Датэ Сигезанэ — дядя и кузен Масамунэ
Хидэмунэ, Тадамунэ — сыновья Масамунэ
Ироха-химэ — дочь Масамунэ, помолвлена с Тадатэру
Катакура Кагецуна (Кодзюро) — старший советник
Судзуки Мотонобу — советник
Хасекура Рокуэммон (Фелипе Франсиско) — посол Датэ в Европе
Дама Ямаока — фрейлина Мэго-химэ

Клан Уэсуги:

Уэсуги Кагэкацу — князь
О-Кику — его жена
Наоэ Канэцугу — старший советник
О-Сэн — его жена
Маэда Кейдзи — вассал Уэсуги

Клан Санада:

Санада Масаюки — князь
Нобуюки — его старший сын, вассал Токугава
Нобусигэ (Юкимура) — его младший сын, вассал Тоётоми
Комацу — жена Нобуюки, дочь Хонды Тадакацу
Аки-химэ — жена Нобусигэ

Клан Могами:

Могами Ёсиаки (Лис из Дэва) — князь
Ёси-химэ (Демоница из Оу) — его сестра, мать Датэ Ма-
самунэ

Клан Мори:

Мори Тэрумото — князь, командующий войсками За-
падной коалиции
Мори Хидэмото, его кузен

Полководцы Восточной коалиции:

Асано Дандзё Нагамаса (Дан — Стрелок) — брат О-Нэ
Като Киёмаса
Икеда Тэрумаса
Ии Наомаса (Красный Дьявол)

Прочие:

Луис де Веласко — вице-король Новой Испании
Родриго де Виверо-и-Веласко — кузен Луиса де Веласко,
временный губернатор Манилы
Родриго де Виверо — его сын, дипломат
Луис Сотело — францисканец, миссионер
Сципионе Амати — переводчик при посольстве
Роберто Беллармин — кардинал, Великий инквизитор
Лавиния Фонтана — придворный художник папы рим-
ского
Антонио Карним — иезуит, миссионер

1. Тень победителя

1595 год, лето

З амок — одна из тех мощных крепостей, что принялись строить, когда на благословенных берегах Присолнечной в обиход вошли пушки. В то же время это дворец, достойный верховного правителя. Так говорят одни, а другие порой говорят, но чаще молчат о том, что подобная грубая роскошь достойна лишь выскочки, выбравшегося из самых низов. Только крестьянин и сын крестьянина может отделять стены своего жилища золотом по золоту.

Господин тайко, великий регент, принимает дорогих гостей, приезжие выражают свое почтение господину тайко — любое дело можно назвать по-разному. Совсем недавно здесь, в Фусими, собирались князья, чтобы принести присягу наследнику. Сегодня — частная аудиенция. Только очень большая. В зале полно вассалов (а в Присолнечной нет больше владетелей, которые не были бы вассалами господина тайко), но общее внимание привлекают четверо.

Гости — двое мужчин в расцвете лет, один постарше, другой помоложе. Оба высоки, сильны, даже в парадных

одеждах выглядят опытными воинами. Тот, что младше, — красив, с ясным взглядом и обезоруживающей улыбкой. Старший — не то чтобы нехорош, но лицо как лицо, ничего особенного, глаза полуприкрыты тяжелыми веками.

Принимающая сторона — оба невысоки ростом и худощавы. Но между ними различий больше. Один уже стар, нескладен, лицом и повадками напоминает обезьяну, и роскошь одежд это лишь подчеркивает. Его так всю жизнь и звали Обезьяной, в юности открыто, теперь за глаза. Он это знает и лишь усмехается. Другой почти вдвое моложе, изящен, с тонкими и мелкими чертами лица.

Это верховный правитель Японии Тоётоми Хидэёси со своим стратегом Исидой Мицунари. Гости — правитель северной провинции Этиго, князь Уэсуги Кагэкацу и его советник-стратег Наоэ Канэцугу. Только здесь советника обычно замечают первым.

Это отнюдь не первая встреча: разумеется, люди Этиго были и среди приносивших присягу. С Исидой Наоэ и вовсе в давней дружбе. Поэтому Хидэёси не скрыл от своего советника причину, по которой вновь пригласил этих двоих. Одну из причин.

Мицунари ответил, что он, конечно, с радостью повидаёт Наоэ, но господин тайко только зря тратит время: Мицунари временами ужасающе прямолинеен. И как только такой человек умудрился заполучить прозвище Лис? Возможно, потому, что предпочитает воевать с помощью хитрости и расчета. За это его в военном сословии крепко не любят: ему бы, мол, бумажки перекладывать, планы чертить и финансами заниматься, а не лезть в дела войны. Советник, в свою очередь, открыто

презирает тех, кто думает, что дела войны и треклятые бумажки не связаны между собой, и обладает исключительным даром наживать себе врагов. Но Наоэ Канэцугу к их числу не принадлежит. Он и сам предпочитает на войне пользоваться головой не только для ношения шлема, а в мирное время, как Исида, — крайне одаренный администратор.

Много лет назад, когда смута Отате¹ расколола клан Уэсуги, никто не верил, что медлительный, не блистающий явными талантами Кагэкацу эту смуту переживет. И господин Ода Нобунага, которому тогда служил Хидэёси, не верил — хотя обещанную помощь противнику Кагэкацу так и не послал. Ему было выгодно, чтобы наследники великого Кэнсина уничтожили друг друга. Но Кагэкацу победил — во многом благодаря тому, что следовал советам Канэцугу, который тогда носил фамилию Хигути, и было ему лишь девятнадцать лет.

С тех пор слава Наоэ как стратега лишь упрочилась.

А господин тайко предпочитает забирать все самое лучшее себе.

Исида никогда не предаст. Ему невыгодно предавать, тайко — его главная опора. Но один человек — это мало. Если заполучить на свою сторону еще и Наоэ... эти двое не вцепятся друг другу в глотки, как сделали бы многие другие, а прекрасно сработаются. Но посмотрим, посмотрим.

Господин тайко предоставляет советникам начать беседу и лишь потом присоединяется к ней.

¹ *Отате-но ран* — гражданская война в клане Уэсуги, 1578–1579 гг. (Примеч. авторов.)

— Я рад, — говорит Исида, — повидать вас без этого зверинца.

Он бестактен, любой другой бы понял, что великому регенту «зверинец» напомнит об «обезьяне», но Исиду это не беспокоит. А как еще назвать сборище тех, кто ненавидит, интригует, устраивает заговоры, но не решается поднять голову в присутствии великого господина и клянется — который раз! — в нерушимой верности и ему, и его совсем юному наследнику? После того, как тайко заставил князей принести присягу ребенку, по Осаке, по Киото, по всей стране волнами поползли слухи о старческой подозрительности Обезьяны. Подозрительность! Рот Мицунари едва заметно дергается. Пример Оды Нобунаги, прежнего господина Хидзэси, внушавшего страх врагам, но убитого собственным полководцем, доказывает — если бы кому-то были нужны доказательства, — что предать может любой, даже самый близкий и доверенный. И великий регент имеет все основания рассуждать так. Кто прибыл на церемонию присяги?

Маэда Тошиэ, ближайший друг тайко с юных лет, сват, опора правления Тоётоми. Но как он вел себя во время смуты, охватившей страну после гибели Нобунаги? Воевал против Хидзэси и перешел на его сторону лишь тогда, когда стало окончательно ясно, за кем перевес.

Асано Нагамаса, чаще именуемый Дан, шурин тайко, его клятвенный брат — он-то всегда был с Хидзэси в одном лагере. Но разве он не давал понять, что предпочел бы, чтоб наследование осталось за родней его сестры — следовательно, и его родней? Настолько явно давал, что его предательские помыслы не вызывали сомнений.

Като Киёмаса, еще один блестящий полководец, поднявшийся из низов и потому пользовавшийся милостью регента, но способный в приступах ярости творить такое, что потом сам удивлялся. И это самые близкие. Чего тогда ждать от других? И что сказать о побежденных противниках и о тех, кто вынужден был примкнуть к Хидэёси перед лицом превосходящих сил? О тех, кто, до времени приглушив амбиции, только и ждет мгновения, когда тайко проявит слабость. Ведь они сильны, все еще очень сильны, эти владыки запада: Мори и Симадзу. По отдельности никто из них не совладевает с великим господином, но дай им волю, примутся рвать страну на себя, как уже делали раньше. Или те, у кого никогда не хватит сил на то, чтоб попытаться поднять свое знамя над столицей, но кто может попортить кровь просто из природного коварства, чтобы не потерять шноровки. Такие, как Курода Камбэй. Или старый Санада. Последнему, впрочем, многое прощается из-за сына. Санада Нобусигэ — один из немногих людей, которым тайко доверяет если не полностью, то настолько, чтоб позволить носить свою фамилию. Что не менее важно, ему доверяет и сам Исида, а это мало о ком можно сказать. Пожалуй что о Наоэ. Но ни Наоэ, ни его господина не нужно было принуждать к присяге, они пришли сами.

Однако тех, кого можно счесть врагами или предателями, гораздо больше.

Этот клубок северных змей — Могами. Они давно вцепились бы своими ядовитыми зубами в ту ногу, что их попирает, если б не были заняты постоянной грызней с родней и соседями.

И уж коли зашла речь об их родне и соседях, здесь были также те, кого тайко... нет, Исида не употребил

бы слова «боится». Трудно представить, чтобы человек, поднявшийся от носильщика сандалий до правителя страны исключительно благодаря своим талантам, кого-либо боялся. Опасается — вот верное слово. И даже в частном разговоре избегает называть по именам. Только прозвищами.

Тануки и Дракон.

Старый барсук, чье мнимое благодушие многих ввел в заблуждение. Старый толстый ленивый зверь барсук. Мало кто помнит, что в тот единственный раз, когда они с великим господином встретились на поле боя, великий господин проиграл.

И молодой ящер, родня и вечный противник северного гадючника. Шесть лет он воевал у себя на севере против союза, многократно превосходящего числом. Когда в игру вмешался тайко, ящер дохрустывал остатками этого союза. С тех пор он сильно вырос.

С Наоэ Исиду сближает еще то, что он также не доверяет этим двоим. Мягко говоря.

Об этом они, правда, сегодня не упоминают — незачем портить настроение.

Даймё Уэсуги Кагэкацу молча наблюдает, как его советника осыпают похвалами, Наоэ отвечает, весело и непринужденно. Он к этому привык. Сам Кагэкацу вести светскую беседу не умеет, его считают чуть ли не косноязычным. И он предпочитает молчать. За него говорит советник.

Не бывает князя без стратега. «Господин — солнце, советник — луна, что видна лишь в его тени» — так говорят. И верно, у славного Такеды Сингэна был Косака Дандзё Масанобу, а в клане Датэ, не к ночи будь помянут, есть Катакура Кодзюро. Главным вассалом

и советником великого Уэсуги Кэнсина тоже был человек, носящий фамилию Наоэ: теперь уже мало кто помнит, что нынешнему Наоэ он приходился бы не отцом, а тестем, если бы был жив. Но кто, кто когда видел, что-бы солнцем считали не господина, а советника?

Странно, но как раз за то, за что ненавидят Исиду, — Наоэ любят: за разумность, за практичность, даже за откровенность. Наверное, дело в характере — счастливым, солнечным. Князь Кагэкацу¹ всегда был в тени: прежде — приемного отца, полководца, не знавшего поражений, потом — блестящего сводного брата, теперь — Наоэ. Наверное, такова судьба наследника великого человека.

Приемный отец по праву считался лучшим полководцем страны и образцом самурайской чести. Это признавали все — и в первую очередь вечный его соперник Такеда Сингэн. Но сын Такеды, Кацуёри, не был даже тенью своего великого отца. А Уэсуги Кэнсин удивил всех, выбрав наследником из двух приемных сыновей ничем не примечательного Кагэкацу, а не блистательного Кагэтору. И теперь клан Уэсуги могуществен как никогда, а что стало с кланом Такеда? Осталась лишь дочь, на которой и женат Кагэкацу. Ее-то никто не попрекнет тем, что она лишь тень, ибо такова и должна быть женщина. Прямые же наследники пали.

Кагэкацу понимает, зачем Тоётоми пригласил их, и у него тягостно на сердце. Он наблюдает за беседой, а Тоётоми наблюдает за ним. Тайко любопытен этот

¹ Авторы в курсе, что имя Кагэкацу пишется не теми иероглифами, что «тень победителя», но позволяют себе использовать созвучие. (Примеч. авторов.)

бесцветный князь могущественной северной провинции. Интересно, как он себя поведет, — вот вторая причина приглашения.

Тоётоми и впрямь выскочка, простолюдин, достигший вершин власти, и, как все выскочки, мечтает основать несокрушимую династию. У него не было детей, несмотря на все его женолюбие, и наследником числился племянник Хидэцугу. То есть несколько лет назад знатнейшая из наложниц, хозяйка замка Ёдо, родила сына, но тот умер в раннем возрасте. Тогда Хидэцугу и был назван преемником. Но два года назад госпожа Ёдогими сумела подарить своему господину нового сына, и Хидэцугу стал не нужен. Злоумышляли ли он на самом деле против дяди — кто теперь разберет? Но Хидэеси обошелся с ним, как надлежит поступать с заговорщиками. Извел под корень весь его дом, вместе с чадами и домочадцами. А даймё обязаны были присягнуть на верность единственному законному наследнику, для чего их и созвали в столицу. Но шпионы тайко сообщали: во многих знатных домах ужасались сделанному, а то и открыто порицали правителя за излишнюю жестокость: мол, малые дети и юные девы чем виноваты? Особенно та, что лишь накануне прибыла из клана Могами и даже встретиться с нареченным не успела, а потому и казни как наложница не подлежала?

Проклятые лицемеры! Да есть ли в этой стране кто-нибудь среди знати, кто не губил, не убивал, не изгонял родичей? Все высокие роды связаны между собой сетью политических браков и усыновлений, на любой войне противник будет с тобой в той или иной степени родства, что уж говорить о семейных междоусобицах!

А Кагэкацу сказал: «Не мне его судить». И больше ничего. Он вообще многословием не отличался.

Но тайко понял и так: Кагэкацу, конечно же, думал о сводном брате Кагэторе и его семье, которые Отате-но ран не пережили. Это притом, что Кагэтора был сам во всем виноват — он поднял мятеж против того, кого покойный князь в своем письме назвал законным наследником. Так что рядом с прочими изгонявшими и убивавшими Кагэкацу просто святой архат. И все же он винит себя.

— Ты принес Этиго процветание и могущество, — говорит тайко, но обращается он не к князю — к Наоэ. — Там тебе двигаться выше некуда. Я хочу, чтоб ты служил мне.

Разрушать связи между господином и вассалом — против основ мирового порядка. Сманивать чужого вассала предосудительно. Это признают все — на словах. Но на деле поступают наоборот, и тут даже Наоэ не исключение. Под его влиянием в дом Уэсуги перешел племянник самого Маэды. Но Маэда Кейдзи не был ключевой фигурой в своем клане, с Наоэ они дружили давно, и тот случай не вызвал скандала. Тут дело другое.

Наоэ вежливо склоняет голову.

— Вынужден сказать «нет», великий господин. Я вассал князя Уэсуги.

— А если я дам тебе содержание в триста тысяч коку риса?

Такой доход впору предлагать князю, но никак не советнику.

— Нет, Хидээси-сама, — повторяет Наоэ со всей учтивостью.

Хидэёси кивает Исиде, то делает знак слугам: все подготовлено заранее, за ларцами с золотом далеко ходить не надо. И золотой дождь льется перед Наоэ.

Кагэкацу смотрит из-под полуприкрытых век. Он догадывается, каким будет ответ. И все же...

Тайко внезапно обращается к нему:

— А что вы скажете на это, Уэсуги-сама?

— Я ни к чему не стану принуждать своего советника. Выбор за ним.

Он говорит медленно, но на людях он всегда говорит медленно.

Матушка, госпожа Сенто-ин, мудрая той мудростью, что отличает женщин и монахов, также знала, что не бывает князя без советника. И знала, как можно воспитать абсолютную преданность.

Взять пятилетнего мальчика из доброй, любящей семьи, отвезти его в чужой дом — «служить господину», обрубить родственные связи. Какое там служение! Это Кагэкацу, которому шел уже одиннадцатый год, нянчился с мальцом, пока тот плакал и просился к маме. Сенто-ин знала своего сына, и знала, что со временем тот и станет для мальчика семьей, вытеснит все прежние привязанности. Что бы ни случилось позже, какими бы связями с возрастом ни обростал Канэцугу, господин всегда будет для него на первом месте.

Какими бы выдающимися талантами ни обладал Хигути Канэцугу, впоследствии принявший фамилию Наоэ, он находился в полной зависимости от своего господина.

Госпожа Сенто-ин не учла одного: у монеты две стороны.

Когда Кагэкацу сказал, что не может осуждать тайко, он думал не о Кагэторе, но о его маленьком сыне, своем племяннике. Сам Кагэкацу тоже был племянником бездетного Кэнсина, и это давало ему право на первенство перед приемным братом, заложником из враждебного клана Ходзё. Только это. Кагэтора был красив, отважен, все восхищались им, и даже Кэнсин, казалось, любил его больше. Многие думали, что наследником станет он, Кэнсин же никак не выражал своей воли, и лишь после его смерти нашлось письмо, где право на власть было отписано Кагэкацу. Не все вассалы с этим смирились, и так началась кровавая смута, где Кагэтора нашел свою смерть. Сестра Кагэкацу, бывшая замужем за Кагэторой, любила его до самозабвения и последовала за ним. Что ж, она сама выбрала судьбу. Но их сын, маленький Доманмару — он такого не заслужил.

У самого Кагэкацу детей нет. А ведь ему уже сорок. Если б он озаботился тем, чтобы Доманмару остался в живых, то мог бы усыновить племянника, как его самого усыновил Кэнсин. Но в двадцать лет кто думает о таком?

Говорят, перед смертью Кагэтора проклял сводного брата, пожелав ему потерять то, что ему по-настоящему дорого. С тех пор провинция лишь прирастала мощью и благополучием. Но кто знает, когда сбудется проклятие — и как?

— У меня всегда будет только один господин — Уэсуги, — говорит Наоэ.

— Тогда просто прими от меня это золото в подарок.

По залу проносится восхищенный вздох, быть может, несколько демонстративный — такая щедрость!

Наоэ снова кланяется.

— Простите, великий господин, но вассал может принимать подарки лишь от своего даймё. Иначе это измена.

Против ожидания, Хидзёси ничуть не разгневан. Напротив, он смеется и хлопает в ладоши.

— Я доволен вами обоими. Истинный пример благородства! Где найти более преданного вассала и более великодушного господина? А потому... — Он внезапно становится серьезен, обезьянья ухмылка исчезает. — Я буду полагаться на вас в защите дома Тоётоми и моего наследника. На вас обоих.

Они едут обратно в Этиго. Торопиться некуда, лошади идут шагом. Свита почтительно держится поодаль. Даже те, кто не были на приеме, уже знают о произошедшем. На князя и советника смотрят с восторгом. В первую очередь на советника. Наоэ приветливо улыбается в ответ. Он знает, что они говорят: образец благородства, зеркало доблести, жемчужина среди самураев.

Жемчужина в своей раковине зреет и вырастает во круг комка грязи, верно?

Только он знает, что таится в сердцевине жемчужины. Он и О-Сэн. Но жена ведь неотделима от мужа?

Нет, образец благородства и зеркало доблести — это не он, а покойный Кэнсин. Он искренне верил, что его приемные сыновья сумеют править вместе. Канэцугу еще мальчишкой понимал, что такое невозможно в принципе. А если к власти придет Кагэтора, это будет катастрофой для Этиго. Какими бы талантами ни блистал бывший заложник, в князья он не годится. Что бы править, нужна ответственность. Этим свойством

характера Кагэтора не обладал, зато им был в изобилии наделен Кагэкацу.

Когда Уэсуги Кэнсина хватил удар и все в замке впади в растерянность и молились за его выздоровление, восемнадцатилетний Хигути Канэцугу принял решение. За больным ухаживали дамы семьи Наоэ — семьи, наиболее близкой к княжеской и состоявшей в родстве с Хигути. Канэцугу до того много времени проводил с князем, помогая ему в составлении писем, хорошо знал его почерк и манеру изложения. И он написал письмо от имени Кэнсина, где упоминал о намерении оставить власть Кагэкацу. А О-Сэн выкрала у бесчувственного князя личную печать, которую Канэцугу приложил к документу.

В ту ночь они с О-Сэн поклялись, что никогда не проговорятся о своем подлоге, совершенном на благо Этиго и господина. И сдержали свою клятву. Впоследствии они поженились. Их считают образцовой супружеской парой. Еще бы! Совместная ложь связала их прочнее любых других уз.

Наоэ ни на миг не пожалел о содеянном. Последующие события подтвердили его правоту. Кагэтора оттолкнул от себя всех, призвав в Этиго исконных врагов клана — лишь бы власть не досталась Кагэкацу. А тому помогла выстоять уверенность, что он законный наследник. Он провел клан Уэсуги через войны и испытания, тогда как другие кланы, казалось бы более могущественные, были побеждены и исчезли. И в убийстве маленького Доманмару Кагэкацу не виноват, это трагическая случайность, неизбежная во время войны. Нет, не подлог считал Наоэ своим преступлением. А ложь. Много лет он ежедневно лгал господину, который ему

беспредельно доверял. И будет лгать до конца своей жизни.

Как всегда, ему нетрудно догадаться, о чем думает Кагэкацу. Тот неизменно откровенен с советником и не скрывает от него своих страхов.

— Господин, — говорит он, — вы не Кэнсин, но вам и не надо им быть. Не стоит верить в проклятия. И даже если оно осуществится, моей преданности вы не потеряете никогда.

Тайко и его советник пьют чай в покоях замка Фусими. Господин тайко недавно казнил своего лучшего мастера чайных церемоний, но по-прежнему любит само занятие.

— Вот видишь, — говорит он со своей обезьяньей ухмылкой, — я в выигрыше. И всегда выигрываю. Я не уговорил Наоэ, зато заполучил их обоих.

— Но зачем это вам? — Да, Мицунари прямолинеен, как копьё асигару.

— Они мне нужны. Я стар и болен... — Тайко незачем прикидываться, Мицунари известно это лучше, чем кому-либо другому. — ...а мой сын еще мал. Покуда я жив, я могу справиться с любым противником. Но когда меня не станет...

— Я буду защищать Хидээри-сама ценой своей жизни.

— Знаю. Но один ты не справишься. Хидээри и тебе понадобится сильная поддержка. И сегодня я ее тебе обеспечил. Потому что, — тайко все больше мрачнеет, — ты сладишь с ними со всеми поодиночке, но если те двое сговорятся? Так, по крайней мере, Уэсуги прикроют север. Кстати, надо бы дать им там владения побольше. А то был я в этом Этиго — что там есть, кроме

гор и снега? Вот в Айдзу у нас Гамо Удзисато помер. И очень своевременно, надо сказать, помер. Нечего заниматься интригами, если не умеешь, особенно при таком соседе. А сын его с соседом не справится... особенно если те сговорятся...

Он не называет имен, но Исида прекрасно понимает, о ком речь.

— Не думаю, Хидээси-сама, что они когда-нибудь сумеют сговориться. Они оба хитры и коварны, оба жаждут власти — а это повод для соперничества, не для союза. Но даже не это главное. Тануки и дракон — звери слишком разной породы. Тануки осторожен, слишком осторожен, он просчитывает все возможности, и при этом теряет драгоценное время, и все его полководческие таланты, бесспорно замечательные, пропадают втуне. А дракон... он и есть дракон. При всей своей хитрости — существо непредсказуемое. Они никогда не поймут друг друга. Даже если между ними возможен временный союз, — ходят слухи, что они сговорили своих детей? — они все равно будут в первую очередь желать сожрать друг друга.

«Вот тут и сказывается разница в возрасте, — думает тайко. — Сейчас тануки заматерел, обрюзг, стал медлителен, его излюбленная тактика — выжидание и расчет, и только таким ты его и знаешь. Но я-то помню его с... Сколько ему было лет, когда он сражался вместе с Имагавой против Оды и вместе с Одой против Такеды? Не старше, чем Канэцугу во время смуты Отате. И я помню, на что он готов, что он умеет в крайности. Что, если наш тануки тоже вспомнит, что и он способен расправить крылья — широкие такие, тяжелые, кожистые? И тогда звери разной породы смогут, смогут сговориться...»

Он отвлекся и не слушает того, что говорит советник. Это нехорошо. Тайко не должен позволять возрасту брать над собой верх. Надо сосредоточиться. О ком это Мицунари? Ах да, о драконе.

— ...и его отчаянная храбрость проистекает, в сущности, из плохого зрения. Один глаз слепой, другой — близорукий. Издалека он противника просто не различает, потому и рвется поближе, сметая все на своем пути...

Тайко смеется. Шутка и в самом деле удачная, она отогнала мрачные мысли. Стало легче дышать, иглу вынули из сердца. Верховный правитель решительно доволен сегодняшним днем.

Смеясь, он отпускает Исиду. И они расходятся. Господин тайко идет к самой юной из своих наложниц, Мицунари — выразить почтение госпоже Ёдогими и наследнику.

2. На том берегу

1600 год, лето

З а обедом и на военном совете сват не произнес четырех слов подряд, а если общим счетом — дюжины две. Окружающие старались не встречаться с ним глазами — очень все же неприятно, когда глядят сквозь, будто тебя здесь настолько нет, что ты даже деревянный узор на стене рассматривать не мешаешь. А возмутишься грубостью... тут, может быть, заметят — но к добру ли? И стоит ли затевать ссору сейчас, накануне прямой войны? С родичем хозяина и самым сильным его союзником?

А война уже не стоит на пороге, она перешагнула порог и пока оглядывается по сторонам, любопытно и чуть растерянно, как человек, вошедший с летней улицы в полутемную прохладную комнату, или как птенец, только отряхнувший с себя скорлупу.

Великий господин тайко умер, оставив по себе малолетнего сына, единую страну и два совета, призванных вести дела страны до совершеннолетия господина Хидээри. Совет старейшин-регентов и совет

чиновников-управителей. Одни решают, что делать, другие — как и кому. Оба набраны из сильнейших людей Присолнечной, да таких, что им отроду друг с другом не сговориться, — а значит, никому не удастся поколебать положение наследника.

Тайко ошибся. Друг с другом — никогда. Друг против друга — лист упасть не успеет. Страна распалась на запад и восток. Маэда Тошиэ, старый Пес князя Оды, потом Пес тайко, держал центр Присолнечной — и баланс сил, но очень скоро годы увели его догонять тайко на темной дороге, а его сыновья не стоили отца... Равновесие рухнуло. Теперь оставалось только узнать, у кого острее копыя и вернее союзники — у стратега тайко Исиды Мицунари или у главы регентского совета — Токугавы Иэясу.

Сват даже не морщился, слыша про копыя и союзников. Даже не глядел пристально, как умел. Но говорившим почему-то становилось не по себе — и они тоже потом старались не смотреть в ту сторону.

Сам хозяин в другой раз посмеялся бы — шепоткам, маневрам уклонения и всему прочему, — да он и в этот раз посмеялся, но поговорить тем не менее было нужно.

Так что он улучил момент и тихо попросил зайти вечером, после восхода луны. Одному. Сват — одетый со всей сдержанностью и вкусом пьяной птицы-шалашника — поклонился, блеснув женской шпилькой в волосах, почти вежливо поблагодарил за честь и пообещал быть. В три слова.

К ночи ничего не изменилось, потому что пришел он и правда один. Даже тень свою оставил снаружи. Хозяин примерно того и ждал — поэтому тоже сидел на верхней веранде башни в практически полном одиночестве.

Телохранитель за деревянной перегородкой не в счет. Да и не успеет, в случае чего, телохранитель.

В небе — светло-серая, металлическая, перекошенная луна. Яркая — деревья внизу отбрасывают длинные тени. Каменные стены дышат дневным теплом, а деревянный пол уже остыл и перестал кусаться. На жаровне два чайника — глиняный и металлический, на подставках — площадки светлого лака, чтобы удобнее полуночничать. Фонарь. Два человека. Если посмотреть со стороны и сквозь веки, станет видно чуть иначе: гость — одноглазая ящерица тридцати трех лет, все еще удивленная тем, что удалось прожить так долго, да — ящерица, длинная, сизо-стальная, угловатая и не особенно страшная — пока не взлетит. И хозяин — пожилой барсук, на четверть века старше гостя, когда-то был молодым барсуком и тоже удивлялся каждому прожитому дню. Теперь не удивляется, а просто делает новый день из предыдущего, почти привычно, почти не замечая, мелкое обыденное чудо: прошел огонь, а я здесь, прошла волна, а я здесь, прошла война... а это решится не здесь, но, может быть, сегодня.

Потому что хозяин — не только владелец этих покоев, не только старый барсук, уже четыре десятка лет не позволяющий истории проехать по своей норе, но и восемь провинций Канто, сотни тысяч подданных, десятки тысяч бойцов, главенство в регентском совете Присолнечной, род Токугава. И сейчас этого — недостаточно. Даже чтобы выжить, обо всем прочем не говоря.

А гость — это северное княжество Ивадэяма, которое, как знают все, внутри много больше, чем снаружи, растит два урожая в год на землях, где по законам природы не всегда и один соберешь, добывает из-под

тамошних гор то, чего там и не лежало, кормит армию неизвестного числа и хорошо известного качества и отбрасывает очень длинную тень на весь север Присолнечной... а хочет отбрасывать — много дальше.

Семейство Датэ, потомки Фудзивара, нежная придворная глициния, проросшая в зиму, приросшая к зиме, дороги и дамбы, каналы и ветрозащитные насыпи, гроздья крепостей, пуленепробиваемые лепестки. Не первую сотню лет головная боль любого правителя страны, лакомый союзник для любого мятежника. То, что глава дома Датэ сейчас сидит здесь, смотрит на южную луну черным пустым глазом, — само по себе состав преступления. Но война почти пришла, а преступление она знает только одно — потерпеть поражение.

Старый барсук, Токугава Иэясу, тянет руку к металлическому чайнику — предлагает. Гость, Датэ Масамунэ, чуть поворачивает гребенчатую голову, минимумом средств выражает вежливое удивление. Что он станет делать в подпитии, предсказать не может даже он сам, а пьянеет — легко и быстро.

Хозяин бы воздержался, но... надо поговорить. Необходимо.

— Это красное сладкое вино, какое делают южные варвары, — поясняет он. — Когда меня им впервые угостили, я решил было, что это кровь. Вкус мне и сейчас не нравится, кисловат, но вам может быть интересно.

Гость кивает, с поклоном протягивает плошку, некоторое время смотрит на жидкость, вдыхает пар, делает маленький глоток, потом еще один. Потом опускает плошку на подставку, наливает хозяину сакэ... Кажется, его устраивает вкус.

Луна наполовину переплыла к соседнему дереву — и когда только успела?

— Вы читали то примечательное письмо, которое отправил мне молодой Наоз? — спрашивает барсук.

Нет, конечно, не читал, да и не мог. Это ясно хозяину. Дело даже не в том, что копии получили только члены регентского и исполнительного советов. Дело в том, что сват был в дороге и его люди попросту никак не успевали передать ему текст, который прибыл в Осаку всего лишь на сутки раньше него самого.

— Тогда устраивайтесь и послушайте, это стоит того. Нет, — усмехается хозяин, — он не испортит нам луну, даже наоборот.

Глотнуть из плошки жидкость цвета луны, порадоваться, что сват не подозревает его в глупости, не боится отравы, а значит, можно не делить с ним чайник и пить сакэ... у иноземного вина нет плотности, нет запаха, нет тяжелого, горького масляного привкуса, тянущего за собой в опьянение, на дно. Это красное даже теплым пьетс как вода, никакого веса. Чужое.

— Вы же знаете, — продолжил хозяин, — я тут на днях сам направил дорогому коллеге по регентскому совету, господину Уэсуги Кагэкацу, послание: недоумение выражал. Как это так, у нас в стране, можно сказать, почти мир, наконец, даже младший Маэда на меня покушаться перестал, даже обиженные генералы за Исидой больше не гоняются. Да что там, даже вас не слышно! А в него вдруг вселилось что-то. Крепость на своей южной границе строить у меня под дверью, дороги для войск расчищать — что за сон? Приехал бы, объяснился. Но господин князь, надежда и опора западной коалиции, даром что живет на востоке ровно

между мной и вами, меня ответом не удостоил. Зато удостоил его старший советник — и не только меня, а всех подряд.

Барсук закатил глаза, на манер театрального актера, чуть приподнял лаковую плоску и взвыл голосом благородного героя:

— «Поистине жаль, что вы считаете, что мой господин, Кагэкацу, не проводит достаточно времени в Киото. Уэсуги сменили территорию всего два года назад. Если мы будем все время ездить в Киото, мы не сможем управлять провинцией. Обвинять Кагэкацу в измене на этом основании — верх ошибки. Хотел бы я посмотреть в лицо тому... поверхностному человеку, который распространяет эти слухи».

Когда он дошел до слов: «Как вышло, что такой тип, как Хори Хидэхару, смог оставить в дураках такого замечательного человека, как вы?» — то услышал, как носик металлического чайника тычется в стенку плоски, как льется, слегка булькая, невесомая заморская жидкость. Сработало.

— «Вы обвиняете нас в том, что мы закупаем оружие, — но это естественное поведение для самураев с окраин. Это лучше, чем сходить с ума по идиотским чайным приборам, как обитатели столичных округов, и уж точно это не должно вызывать беспокойства...»

Уэсуги граничат с Хори в Этиго, с Датэ, Могами и многими иными кланами, однако только господин Хори Хидэхару из Касугаяма орет про измену, и всего лишь из-за того, что мы строим дорогу в соседнюю провинцию... Вероятно, он дурак».

Тут луна ушла за облако — видимо, сохранять серьезную мину у нее уже не получалось.

— «Сегодня у людей, лелеющих измену, вошло в моду склонять голову, если они не видят шансов победить. Однако ставить господина Кагэкацу на одну доску с такой низкой сволочью — воистину оскорбление для него».

А вот здесь не выдержал и сват. Потому что звук справа, — это не ночная птица: это тихий хриплый кашель, заменяющий ему смех.

— А дальше уже скучно, — разочарованно пояснил барсук. — «Если вы поверите лжецу и не проведете подобающее расследование, Уэсуги в Киото не поедут. И будет ли в том виноват Кагэкацу? Или вина ляжет на вас, Иэясу, и на ваше двурушничество? Пусть решает Небо».

— Это не скучно... — смеется ящер. Теперь он похож нельзя сказать на себя — он и раньше был, скорее на другого себя, на того, в ком много легче опознать летучую огнедышащую тварь с дурным характером и не менее скверными намерениями. — Это обязательная часть, как упоминание сезона в стихотворении. Приди и возьми, если не трус. Вызов, простой как лужа, как раз в духе Уэсуги. И вы, конечно же, встанете и пойдете объяснять, что с вами так не разговаривают, а вам придется — трусу здесь власти не видать... Пойдете и застрянете на какое-то время, зря они, что ли, крепости строили? А за вашей спиной Исида соберет и двинет армию; другой бы не смог так быстро, этот сможет и успеет. Хрусть... и прощай самая страшная угроза дому Тоётоми.

Сват шарит над жаровней, находит на ощупь правильный чайник, подливает старшему сакэ. Он плохо видит в темноте. Он вообще плохо видит, даже здоровым глазом. Близорук. И шутит, что так даже удобнее: чего

тебе не видно, того ты не боишься. Вот если бы читать мешало, было бы плохо. Но не мешает.

— Молодец Наоэ, — качает головой сват, — хорошая ловушка, и на поверхности все, и не объехать. Но про себя слишком много рассказал, можно бы поменьше.

— Вы тоже гадали, кто у них там из двоих главный? — спрашивает хозяин. Ему смешно. Они со сватом совсем разные люди. А вот выводы все время делают одинаковые.

— Куда я денусь? Гадал, конечно. Соседи же. Теперь и гадать не надо.

Гадать не надо, дело светлее дня. Советник Наоэ Канэцугу написал вызов от своего имени, заверил своей печатью. Для людей неумных и, как это он выразился, «поверхностных» — просто сделал тайное явным. Признал, что землями Уэсуги управляет не князь — бездарь и тряпка, а советник. А на самом деле — показал совсем, совсем другое. Шагнул на первую линию, под удар. В случае поражения это с советника снимут голову, свои же снимут в виде извинения, а с князя — какой спрос. Но будь этот князь и правда бездарью и тряпкой, будь он хотя бы менее ценен, чем советник, — тогда Наоэ не стал бы рисковать собой. Ответственность не дала бы. Поберег бы умную голову, ради клана поберег бы. А он рискнул. Значит, последняя линия обороны проходит не по нему. Значит, старший в паре — не по званию, а по существу — бесцветный бессловесный Уэсуги Кагэкацу.

— Давно же они начали, — вздыхает барсук.

— Давно, — соглашается ящер. — Лет с пятнадцати, наверное. Когда поняли, что из них двоих не собрать одного Кэнсина... Не можешь играть вверх, играй

вниз. — Поворачивается и спрашивает, серьезно и кристально трезво: — Ты зачем меня поил? Не об Уэсуги же сплетничать.

— Ты почему на совете молчал? Тебя за этим туда звали? — сверху вниз, старший к младшему и много грубей исходной подачи.

Луна ушла вверх, ей здесь не место.

— Ты звал, откуда мне знать, зачем? План мне нравится, я промолчал. Уэсуги он бы тоже понравился, но и мне.

— Говори, — приказ.

Ящер тянется, вытаскивает из очага жаровню, прямо на деревянный пол — загорится так загорится, право же, пожаром больше... да и погасят, никуда не денутся. Разравнивает песок в очаге, придвигает фонарь. Оглядывается, берет палочки с подноса для закусок.

— Чудесный план, — поет он, рисуя палочкой на песке. Он плохо видит в темноте, очень плохо; у него есть свой стратег, и отличный, но он нужен для того, чтобы решить, где и когда воевать; как воевать, князь знает сам. — Ты громко собираешь все окрестности покарать бунтовщика и нахала, который тебе нежные письма шлет, к тебе на самых законных основаниях стекаются все, кто поддерживает тебя, и все, кто терпеть не может Исиду с Уэсуги... вы толпою выступаете на север, Исида делает ход — и тут вы разворачиваетесь и падаете на них как сокол на цаплю, а Уэсуги в своей новообретенной провинции Айдзу вдруг обнаруживает, что напрочь окружен твоими союзниками: Хори Хидэхару из Этиго, Маэда из Кага, Сатаке из Хитати... — На импровизированной песчаной карте одно за другим возникают владения. — Челюсти сомкнутся, и наступит полная победа.

— Продолжай.

— Твой Хори Хидэхару, который в Этиго, он дурак без всяких «вероятно». И не потому, что доносы бредовые пишет. Он не умеет обращаться с людьми. Он пришел в бывшую провинцию Уэсуги и за два года допек крестьян и мелких самураев до пожара — а это суметь надо! Кагэкацу стоит только свистнуть — и там поднимется все. Хуже тебе скажу, даже если он их пожалеет и не свистнет, они поднимутся все равно, ради старой верности и шанса избавиться от этого кретина. Забудь про него. Ему повезет, если он переживет осень.

Этиго исчезает с карты.

— Дальше.

— Сатаке Ёсисиге сменит сторону.

— Ты предвзят и плохо о нем думаешь. — Сатаке Ёсисиге... Последний из старых врагов ящера, кто еще ходит по земле. Последний, кто как-то причастен к смерти ящера отца. Краем, но причастен. Но краем. Но причастен.

— Я его знаю и думаю о нем хорошо, — щерится сват. — Если бы я думал о нем плохо, сказал бы, что останется с тобой. Ты обещал ему безопасность. А Исида ему друг — и он предложил много больше. Сатаке не дурак и отроду не был трусом, он пойдет за старой дружбой и крупным кушем.

— Что ему пообещали?

— Половину твоего Канто. Четыре из восьми провинций, — смеется младший, стирая земли Хитати. — Вторую половину они еще делают.

— А что они пообещали тебе? — Насколько известно хозяину — все восемь провинций целиком.

— Слишком мало. — Гость тянется за вином, наливает не глядя, так же пьет. — Ты же знаешь, я хочу все.

«Знаю, — вздыхает про себя барсук, вдыхает аромат сакэ, — ты мне уже который раз говоришь. Тебе нравится говорить это — мне. Если мы когда-нибудь поссоримся, это произойдет не из-за власти, а из-за вещей куда более серьезных... Из-за несовпадения во вкусах, например».

— А Маэда придет, — продолжает сват. — Но не раньше чем справится с младшим братом, который бросил копать под тебя и начал под семью. С ним — и с коалицией мелких сторонников Исиды у себя в подбрюшьи. Он придет — но опоздает.

Третья провинция рассыпается песком. Дорога из Айдзу на юг — открыта.

— Я думаю, — поясняет сват, — что они прекрасно все это понимали, когда сочиняли свое письмо.

Летние ночи коротки, а лето уже началось. Можно выпить еще, но день все равно наступит быстро, а с ним начнется война.

— И чем же тебе нравится план?

— Тем же, чем и тебе, — пожимает плечами ящер. — Он сработает. Так даже лучше. Смотри, — ведет он палочкой по песку. — Ты пойдешь на север с шумом и гамом, и еще до того, как ты развернешься, я ударю со своей стороны. Вот тут. Для тебя это север, для меня юг, неважно, каппа¹ поberi направления. Вот тут вот... — Палочка встает под углом. — ...Сироиси. Это не только замок, это доступ к трем дорогам. К подбрюшью Айдзу и к сердцу Айдзу. А мой дядюшка Могами тем временем пойдет прямо с севера. Тут. И Уэсуги не рискнут ударить тебе в спину сразу, как ты повернешь. Не захотят

¹ Водяной в японской мифологии. (Примеч. авторов.)

попасть между двух огней. Они будут считать, что у них есть время — свернуть шею дяде, высадить меня за реку... Только им придется неприятно удивиться. Они увязнут. Тебе должно хватить.

— Могами? — В голосе барсука легкое сомнение.

— Будет драться, пока его глаза черны. Он очень любил дочь, тайко зря приказал ее убить. Дядюшка хочет мести, ты можешь ему ее дать. А я, так и быть, отложу свои с ним разногласия до победы.

Теперь луна стоит высоко над башней, смотрит в ящик с песком: ей сверху, наверное, очень хорошо все видно и внятно, лучше, чем людям на веранде. Если барсук сумеет уйти от одного врага — на север от себя — и перехватить другого — на юге, война может закончиться в том же году, в одно сражение.

— А что будет, — улыбается хозяин, — если мы с тобой их недооценили и они все же рискнут и ударят на юг, мне в спину?

Ящер поворачивает голову, смотрит удивленно: что тут нужно объяснять-то?

— Я же сказал, — морщится он, — из Сироиси идут три дороги. Эта, — он выговаривает отдельно, как ребенку, — ведет прямо к Курокава.

К столице Айдзу, главной крепости Уэсуги.

— Я ее уже разок брал, — напоминает сват, — не у них, но брал. И они помнят, что я ее брал. Как пойдут, так вернуться.

— Ты не успеешь отойти.

— Мне не надо отходить. — Сват подбирает палочку, стучит ею себя по лбу, смеется костяному звуку. — И громить их мне не обязательно. Если они опоздают на день — они опоздают навсегда.

— У них довольно большая армия... раз в шесть больше твоей.

— И очень хорошие генералы. Так что если я возьму Айдзу, второй раз я его не отдам, — говорит ящер. — Уж извини, даже тебе.

Что на это можно сказать? Только кивнуть. Сват намерен поставить на кон все — свою драгоценную армию, свой драгоценный север... никогда он не рисковал ими так, до конца. Головой — да, и не однажды, землей и людьми — никогда. Теперь рискует. Спрашивать почему — бессмысленно, честного ответа все равно не дожидаться — да его и не получилось бы понять. Слишком они разные люди. И звери.

— Ничем я не рискую, — недовольно морщится гость, глядя на пустой чайник. — Ничем. Ваша бесконечная светлость не хуже меня понимает: у тех, кто сейчас вступит в бой, есть вшивый, но шанс, — объясняет он, мешая уличную речь с придворной грамматикой. — Даже в случае поражения есть. Те, кто сейчас отвернет, — мертвы. Их сожрут изнутри, их предадут и продадут... В мирное время можно править, не уважая себя, но нам такой роскоши еще долго не видать.

Хозяин гладит прохладное дерево веранды. Он знает все завитки на ощупь. Часто тут сидит. И почти всегда — один.

— Да, — соглашается он. — Вы это и тогда говорили...

И замолкает, вспомнив, что говорил это — не сват. Потому что свату тогда было шесть лет в совсем другой стране. Это говорил он сам, двадцать восемь лет назад, под Микатагахара, глядя на превосходящие во всех смыслах силы Такеды Сингэна, улыбаясь в глаза почти неизбежному разгрому. Тот, кто сейчас

отвернет, — мертв, и земля его мертва. Он тогда не отдал дорогу без боя, проиграл, выжил и сохранил провинцию. И теперь, вспоминая, слышит кашляющий смех ящера за левым плечом. Там, тогда, в прошлом.

Впрочем, эту ошибку делали все. Все, кто когда-то ходил под знаменами с цветком айвы или рядом с этими знаменами. Все бывшие вассалы и союзники князя Оды, те, с кем он взялся объединить страну. Все они помнили Датэ там, где его быть не могло, — и раз на раз проговаривались. Даже великий господин тайко изволил как-то ругаться, что он эту тварь еще с первой киотской кампании невзлюбил... тоже потом смеялся. А сват никого никогда не поправлял. Сначала барсук думал — потому что ему лестно. Потом понял: он тоже не помнит, вернее, помнит что-то свое. Для себя он — тоже их ровесник, а вот Наоэ, который старше его на семь лет — «молодой Наоэ». И, наверное, так оно и есть.

— Вот только приехал, — жалуется на судьбу ящер, — и теперь придется обратно.

— Отдохните здесь пару дней... — За пару дней война не убежит.

— Нет. — Сват изображает поклон, встает, машет палочкой луне, застывает, задумавшись, втыкает инструмент в прическу. — Сейчас я пойду и устрою здесь много шума, раз уж вы меня напоили. Не пропадать же вину. С утра поеду в Киото и устрою немного шума там, покажусь. А из столицы двинусь не сюда, а прямо домой. Мне нужно успеть раньше вас. Если они все же не рискнут... я потом пошлю вам всех стрелков, которых смогу оторвать от севера.

— Встретимся, — соглашается хозяин, — на том берегу.

Ему тоже предстоит веселая война — его силы и силы противника примерно равны. Даже без Уэсуги.

— Непременно.

«Мы не можем доверять друг другу ни на медную монету, — объясняет Иэясу луне. — Но что за беда? Зато мы можем друг другу верить».

И слышит, как в коридоре Масамунэ громогласно обращается к своей тени:

— Прав Наоз, эти южане — неженки непроходимые. Они здесь портвейн подают подогретым, представь. Портвейн! И это летом. Что ж они делают зимой?

3. Огнем на небесах

1600 год, октябрь

В замке Сироиси пахнет старым дымом и свежим деревом, пахнет осенью, железом, каменной крошкой, лошадьми, множеством людей, но дымом — больше всего. Этим летом замок горел. Его брали штурмом — и взяли с боя. А три месяца спустя он целехонек и светит аппетитными каменными изломами, блестит свежeproпитанным деревом. Настроение в замке такое же — с иголки, и все на месте. Ночью баржи с припасом, а главное — с порохом, прошли по реке. Тихо-тихо, без весел, на одном течении. Так что противник засек их только на траверзе замка, уже под разгрузкой. И, конечно, ничего не успел, потому что даже дозорные посты стояли слишком далеко. А стояли они далеко, потому что стоять близко их еще с лета отучили. Так что порох прибыл благополучно, и его теперь хватит с запасом, и люди готовы, и оружие, и очень скоро пойдет из замка отвлекающий маневр, а потом... Вот так, чешуйка за чешуйку, рычажок за рычажок, мелочь за мелочью растет война. Если это правильная война.

А недалеко впереди, в будущем, зубчатое колесико здесь, на северо-западе, сомкнется с другим таким же на прямом севере и провернется, приводя в движение большой механизм, подобный варварским часам — только судьба ему не отсчитывать время, а менять его.

Три армии вывел в эту кампанию на север Наоэ Канэцугу, старший советник клана Уэсуги, три настоящих самостоятельных армии вывел в Дэва, на земли противника, и, жонглируя ими, прижал-таки тамошнего хозяина, Могами Ёсиаки, лиса из Дэва, почти к самой стенке. На вражеской территории, с обрезанными линиями снабжения, прижал. Умеет. И без особых потерь, кстати. Один замок ему осталось взять — и открыта дорога на Ямагату, столицу провинции, самую серьезную ее крепость, а у Могами — последнюю. Стены там неплохи, но против тяжелой артиллерии и хороших инженеров — не устоят. У Наоэ Канэцугу есть хорошие инженеры. Он и сам хороший инженер. Так?

Почти так. Только нет в Ямагате уже ни самого лиса, ни его главных сил. Утекли, просочились — по своей все же земле — и теперь, как вода, собираются и накапливаются у Наоэ за спиной. Этого не хватит для победы. Этого и для настоящего боя не хватит, вот только они там не одни. Потому что новый хозяин замка Сироиси послал дорогому дяде почтительный подарочек, и этот подарочек — очень неплохая кавалерия с очень неплохим командиром — уже на месте. Две половины трясогузкина клюва. И крепость в качестве стены. Если вы переживете это, господин старший советник, значит, вы и правда что-то умеете. Нет — туда и дорога.

Все хорошо, все было хорошо, до середины этой стражи, до гонца, который хрипит и кашляет на деревянном полу, будто у него в боку лишняя дыра, до письма с юга.

Катакура Кагецуна, бесцветный человек лет сорока, начальник штаба армии по должности и тень своего князя по очень старому выбору, читает письмо через плечо господина — и никто не удивляется такому возмутительному нарушению писаных и неписаных обычаев.

— Кажется, — с некоторым затруднением произносит начальник штаба, — настаивая на союзе с Токугавой, я дал вашей светлости исключительно дурной совет.

— Слишком много на себя берешь, — отбивает подачу князь. — Просто там, наверху, любят на нас смотреть и поднимают ставки каждый раз, когда мы пытаемся сыграть по маленькой. Пора бы нам начать на это закладываться, вот что.

Свежесобравшийся совет — треть военного, четверть гражданского, все, кто войной и делом случился сегодня в замке, слушает привычный шелест пикировки, ждет, пока с ним поделятся сведениями. Что бы ни случилось на юге, у союзников, это не конец света. А если даже и конец, то на этот случай тоже кое-что припасено.

Десять лет у них было на то, чтобы придумать эту войну. Десять лет — это долго.

Письмо — одно из двух — уходит на одну свежелакированную ступеньку вниз, к совету, рушится как поток весенней воды, который тут же разбирают на струйки сведений каналы и канальчики оросительной системы. В ночь на пятнадцатый день девятого месяца... то есть пять с половиной суток назад, хорошо шла почта, с учетом того, что ночью все только началось... осенью, по мокрым дорогам, полстраны, считай, молодец гонец,

кстати, давайте его сюда, пусть пробелы восполняет... в ночь на пятнадцатый день девятого месяца противник, которому удалось расположиться выше по склонам... это где?

Это в обход замка Огаки, объясняет гонец, замок наши поставили в вилку еще днем, противник без якоря остался, пришлось искать новую позицию, но быстро нашли, для себя удобную, для нас не очень, там деревушка такая, Сэкигахара... Сильный ливень, видимость? Да почти никакая видимость, на длину вытянутой руки, и все, — наши нападения не ждали, потому что у Западной коалиции не армия, а игра «угадай благовоние», всего перемешано, да вдобавок непонятно, кто командует, официально главный у них — Мори Тэрумото, как старший среди даймё, а на деле — Исида Мицунари, потому что Исида, в общем, наши бы на их месте дожидались дня и хоть какой-то возможности ориентироваться и управлять, а они не стали. Кто-то у них умный оказался, по реляциям пленные говорят — Укита Хидэиэ.

Понятно, кивают себе господа совет, глядя на насколько сооруженную из чего попало диспозицию. Они выше по склону, а господин найфу¹ за ними пошел и ниже встал, нехорошо для себя встал, неудобно, опасно. Вот они и встревожились. Иэясу хороший генерал, из живущих едва не лучший, если так стоит — значит, у него в рукаве что-то есть. И узнать, что у него там есть, в тот момент, когда он достанет, — это немножко поздно получится. Выжить не успеешь. Значит, Укита по доброй памяти корейской войны и предложил напасть ночью. Тем более ливень, шум, внезапность. И Исида его

¹ Титул Токугавы Иэясу. (Примеч. авторов.)

послушал — видно, ему тоже падалью пахло. Правильно пахло, а послушал зря, может, днем бы они выкрутились лучше. А так они атаковали, и хорошо получилось, несмотря на путаницу, все равно центр нам промяли в прах... И тут их тыл ударил им в тыл. Шестнадцать тысяч, считай, переметнулось, они в рукаве и лежали. Войска Исида — вдребезги, войска Укиты — вдребезги, и сам он погиб, Симадзу — тот прорвался, Мори, даром что главнокомандующий, вообще до сражения не дошел, не успел, так и отступил. Нарубили... уже утром сочли, тысяч на тридцать. А в той суматохе никто и не понял, что господин найфу ранен... Он сам не понял, не заметил, когда и как — увлекся. И крови почти не было. Вся внутрь пошла. Жив, но... Пять дней, десять дней — не больше. Исида? Неизвестно где, тела не нашли, живым не поймали.

Господа совет переглядываются через карту. Вот вам и генеральное сражение. Потери противника велики, конечно, зато мы остались без человека, на котором держалась вся сторона. И у противника они еще все заново соберутся, тем более что Мори ушел целым, а у нас начнется. Десяток амбициозных генералов в отсутствие очевидного лидера.

Гонец опускает на подставку чашку с водой — и тут только замечает, что есть чашка, подставка и вода. Очень трудно помнить о мире вокруг, когда нужно одновременно говорить и слушать, когда где-то за стеной не прекращается легкий зудящий гул и почему-то очень холодно, не из-за осени, не из-за севера, не из-за потери крови даже — глупости, капли, — а так... Очень трудно, особенно если ты сейчас не ты, а совсем никто, посторонний, гонец из эстафеты с характерным

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Открытая страна

Персонажи	9
1. Тень победителя	12
2. На том берегу	28
3. Огнем на небесах	43
4. Рыцарь и дракон	65
5. Слово в строке	85
6. Сказка о храбром зайце	111
7. Две разновидности демонов	133
8. Кое-что о женских премудростях	153
9. Игроки и фигуры	174
10. Воробьи и шесть монет	194
11. Восточней востока и западней запада	210
12. Земля имеет форму шара	238
13. Знамя над столицей	261
Эпилог	287

Часть вторая. ЗАКРЫТАЯ СТРАНА

Персонажи	301
1. Белые корабли.....	304
2. Линейный корабль «Мария Каннон»	316
3. Божьи воины	346
4. Консультанты и консультации	366
5. Генерал	392
6. Не слишком большая игра.....	418
7. Вооружайтесь, но трепещите	451
8. Республика Нантакет.....	480
9. Торжество победителей	513
Эпилог	523

Читайте в серии
«Mystic&Fiction» — «Ветер мечты»

Степан Мазур Грани будущего

В подземном мире нет понятия отпуска, но отдыхать нужно и там. Юноша по имени Зиновий с друзьями решили развеяться и поиграть в виртуальные игры в игровом комплексе, даже не подозревая, что вместо обещанных фэнтезийных миров окажутся за пределами подземного городского купола — на поверхности, где на грани выживания сражаются за свои жизни люди, не попавшие в «золотой миллион», успевший уйти под землю, спасаясь от ядерных ракет, где искусственный интеллект испепелил города, погрузив поверхность земли в радиоактивную ядерную зиму, и где жизнь сурова, а люди просто пытаются выжить, понятия не имея ни о какой виртуальной реальности.

Интернет-магазин gorodets.ru

Наталья Резанова ~ Анна Оуэн
КОРАБЛИ С ВОСТОКА

Ответственный редактор И. Эльтеррус
Редактор В. Вегашин
Корректор А. Филимонова
Дизайн блока и обложки И. Викторов
Художник В. Ненов
Компьютерная верстка Е. Климентьева

Подписано в печать 15.02.2020. Формат 84×108/32.
Печ. л. 16,5. Гарнитура «DejaVu Serif».
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №

ИД «Городец-Флюид»
105318, г. Москва, ул. Ибрагимова, д. 31, корп. 4 А
тел. +7 (985) 8000 366, www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru, fiction@fluidfreefly.ru
Интернет-магазин: gorodets.ru

Наталья Резанова
(Нижний Новгород, Россия) —
прозаик, эссеист. Опубликовала
16 книг в жанрах исторической
фэнтези и альтернативной
истории. Лауреат литературных
премий в области НФ.

Анна Н. Оуэн
(Сидней, Австралия) — историк
литературы, поэт, доктор филосо-
фии. Автор поэтических сборни-
ков и литературоведческих
работ. Известна также
как сетевой автор.

Порой из-за нескольких, не слишком важных с точки зрения окружающего мира событий все может измениться. В конце XVI столетия в далекой Японии произошло кое-что, не происходившее в известном нам прошлом, и история двинулась совсем другим путем. В итоге к середине XIX столетия просторы морей бороздили броненосцы, вычислительные машины стали отнюдь не диковинкой, было изобретено радио, начали развиваться авиация и кинематограф. Однако у человечества как кость в горле стояло не признающее технического прогресса Содружество Галаад, государство полубезумных религиозных фанатиков, занимающее большую часть Северо-Американского континента. И однажды терпение ведущих стран мира лопнуло — к берегам Галаада направились с востока японские и русские корабли под командованием капитана Энмото и вице-адмирала Попова...

ГОРОДЕЦ
ФЛЮИД

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-906827-21-0

9 785906 827210